

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ СССР В 1930 - 1937 гг.: СОВЕТСКИЙ РУБЛЬ В УСЛОВИЯХ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

MONEY CIRCULATION USSR IN 1930-1937: SOVIET ROUBLE IN CONDITIONS OF PLAN ECONOMY

A.S. Sokolov

The article describes the stages of financial policy development in the 1930-s. Special attention is paid to the processes taken place in money circulation.

Keywords: Finance, money circulation, industrialization, political history, repression.

Соколов Александр Станиславович
Доктор исторических наук
Рязанский государственный
радиотехнический университет

Аннотация:

В статье рассматриваются основные этапы развития финансовой политики СССР в 1930-е гг. Особое внимание уделяется процессам, происходившим в области денежного обращения.

Ключевые слова:

Финансы, денежное обращение, индустриализация, политическая история, репрессии.

В последнее время появилось немало работ историков и экономистов, посвященных советскому периоду отечественного денежного обращения. Тем не менее, проблема развития денежной системы СССР с момента свертывания новой экономической политики до завершения второго пятилетнего плана не нашла достаточного освещения в современной историографии. Вместе с тем, работы ученых-обществоведов, архивные документы, опубликованная переписка большевистской элиты по хозяйственным вопросам, материалы периодической печати, мемуары позволяют ликвидировать данную лакуну.

С 1929 г. началось осуществление первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, нацеленного на гигантский рост промышленного потенциала страны. В нем не предусматривалось использование инфляционной денежной программы для финансирования развития промышленности, а наоборот, декретировалось повышение покупательной стоимости червонца за пятилетку на 15–20%. В первой половине 1930-х гг. в стране сложился новый хозяйственный механизм, существенно отличавшийся от нэповской экономики. Такие экономические категории, как прибыль, сбережения и денежная масса играли в нем второстепенную роль. Можно согласиться с мнением Ю.П. Бокарева о том, что в посленэповской народнохозяйственной системе весьма важное место заняли цены [2, с. 239]. В 1930 г. СССР вступил в состоянии, близком к гражданской войне. В январе-феврале правительство развернуло насильственную коллективизацию. Деревня ответила волнениями, и крестьянское хозяйство пришло в упадок. Разорительной и малоэффективной оказалась форсированная индустриализация. В результате бездумной траты средств многие сотни

миллионов рублей оказались вложенными в незавершенное строительство, не давали отдачи. Все это полностью разорило бюджет. Его огромный дефицит латали за счет повышения цен, введения обязательной подписки на займы, а главное – эмиссии.

Рост эмиссии привел к понижению покупательной способности рубля. Неудовлетворительная ситуация в области финансов вызывала тревогу в хозяйственных наркоматах. В мае 1930 г. на заседании коллегии Наркомата финансов указывалось, что в области денежного обращения обнаружился весьма серьезный прорыв, вызванный нарушением финансовых планов. В связи с этим коллегия Наркомата финансов поручила специальной группе в составе профессоров Л.Н. Юровского, Л.Н. Литошенко, Д.А. Лоевского разработать и представить коллегии выводы и соображения о вероятном распределении находящейся в обращении денежной массы между городом и деревней и по отдельным социальным группам.

Однако в конечном итоге не Наркомат финансов определял стратегию финансовой политики в условиях первой пятилетки. С помощью выпуска денег правительство пыталось покрыть дефицит бюджета. При этом упор делался на классовый подход. Журнал "Вестник финансов" писал о том, что в условиях развития нашего хозяйства необходим классовый анализ состояния денежного обращения [3, с. 76]. К лету 1930 г. в развитии экономики произошли серьезные изменения. Ценой больших усилий было достигнуто значительное ускорение темпов индустриализации, завершился первый этап коллективизации. В июле председатель правления Госбанка Г.Л. Пятаков (после обстоятельного разговора с С. Орджоникидзе) направил письмо Сталину, в котором дал анализ болезнен-

ного состояния денежного обращения в стране. Он писал: "Состояние денежного обращения и ближайшие перспективы его, если не будут приняты необходимые меры, внушают тревогу. Если возможности пролетарского государства в деле регулирования денежного обращения неизмеримо выше, чем в условиях частнокапиталистического хозяйства, то все же эти возможности не беспредельны, и мы должны очень внимательно и решительно реагировать на те явления, которые имеют место в настоящее время в области денежного обращения". Г.Л. Пятаков отмечал, что уже в 1928/29 гг. прирост денежной массы в обращении составил 186% от плана. С конца 1928 г. по июль 1930 г. в обращение было выпущено 1556 млн рублей, в то время как за всю пятилетку планировалось выпустить 1250 млн рублей. "Эмиссионную пятилетку", таким образом, страна выполнила менее чем за два года. Кризисные явления в области денежного обращения породили расхождение рыночных и государственных цен на товары, что привело к сокращению торговых операций. Свертывание торговли, накопление и обесценивание денег имели тяжелые последствия для потребительского рынка. Началось расхватывание населением товаров. В письме Сталину Г.Л. Пятаков указывал: "Мануфактура по двойным ценам до середины марта шла туго. После этого, в особенности в мае и июне, она расхватана вся. Из продажи исчез шелк, расхватываются примуса, швейные машинки и т.п. Из Нижнего Новгорода, из Чернигова пишут, что крестьяне в стремлении сбить бумажные деньги покупают все, что попадает под руку. Характерно сообщение из Харькова о том, что в короткий срок был совершенно раскуплен магазин антикварных вещей" [21, с. 117–129]. Население, кооперативы, предприятия переходили к натуральному обмену. Таким образом, инфляция привела к стремлению приобрести товары впрок и натурализации обмена.

В своем письме Г.Л. Пятаков рискнул дать Сталину рекомендации по оздоровлению денежного обращения и потребительского рынка. Среди них: увеличение производства и импорта предметов потребления, сокращение и даже полный отказ от экспорта продуктов, помощь сельскому хозяйству [18, с. 74–75]. Генеральный секретарь ЦК никак не отреагировал на письмо руководителя Госбанка. Возможно, Сталин не доверял Г.Л. Пятакову, т.к. последний в свое время активно поддерживал Л.Д. Троцкого.

Правительство попыталось изъять "лишние" деньги из обращения путем выпуска внутренних займов. В феврале был выпущен долгосрочный внутренний заем "Пятилетка – в четыре года". Новый заем должен был стать единым займом финансирования социалистического строительства по пятилетнему плану развития народного хозяйства. В ходе его реализации на многих предприятиях Москвы, Ленинграда, Харькова, Нижнего Новгорода и ряда других крупных промышленных центров стала практиковаться поддержка рабочих и служащих в объеме месячной зарплаты. "Вы говорите, что все трудящиеся идут

искренно навстречу займам и добровольно. Так ли это? Ясно, я не могу оторвать из своего жалованья копейку, ибо гибну. Нет, тебя не спросят, а тащат, вычитывая, – это ли искренность?", – писал анонимный автор в письме, обращенном к руководству страны [28, с. 239].

Другим следствием инфляции стал кризис разменной монеты. Госбанк выпускал серебро в обращение, откуда оно мгновенно исчезало, оседая у населения, которое его переплавляло и хранило в слитках. Частники на серебро продавали дешевле, чем на бумажные деньги. В торговле между городом и деревней появился лаж на серебро. Крестьяне прямо объявляли две цены на свою продукцию: одну в серебре, другую – в бумажных деньгах. Например, в Брянске стоимость одного пуда ржаной муки в бумажных знаках составляла 13 руб., а серебром только 8 руб. [14, с. 345]. При обысках у крестьян и городских торговцев находили большие суммы разменного серебра. Разменный кризис усугублялся общим недостатком денежных знаков и резким сокращением кассовой наличности филиалов Госбанка, что приводило к перебоям в выдаче зарплаты, так как предприятия не могли получить вовремя наличные деньги со своих счетов. В сообщениях ОГПУ о положении в стране, направляемых Сталину, отмечалось, что "задержка зарплаты на предприятиях Союза принимает в последнее время (август–сентябрь) хронический характер. Задержка зарплаты охватывает все промышленные районы и крупнейшие фабрично-заводские предприятия страны. В связи с задержкой зарплаты отмечается падение производственной дисциплины и забастовочные настроения" [22, с. 514]. Кризис свидетельствовал о развале бюджета и вызвал массовое недовольство среди населения.

Недостаток разменной монеты в обращении вызывал серьезное беспокойство среди партийно-государственного руководства. В сентябре 1930 г. Е.М. Ярославский в письме к Г.К. Орджоникидзе указывал: "Конечно, нам надо бояться панических прожектов правых и троцкистов, но надо этим вопросам уделять гораздо большее внимание, чем им уделяли. Недавние затруднения (еще не вполне изжитые) с недостатком разменной монеты тоже ухудшили бюджет рабочего, когда рабочий должен был покупать ненужные ему вещи (чтобы не требовать сдачи). Хорошо, что послушались Сталина и не пошли на путь суррогатов денег, ни на другие такие же меры" [21, с. 135].

Сталин решил воспользоваться кризисом в своих интересах. Неожиданно он проявил к делу о разменной монете огромное внимание и взял руководство в свои руки. Об этом свидетельствует такой интересный источник, как переписка Сталина и В.М. Молотова. Как видно из писем, Сталин выдвинул свой рецепт решения проблемы: основательно почистить аппарат Наркомата финансов и Госбанка расстрелять два-три десятка вредителей из этих ведомств и энергичнее проводить операции ОГПУ против спекулянтов разменной монетой [19, с. 178–179]. Сталин

старался доказать, что действия правительства в данном вопросе – результат влияния вредителей? специалистов, фактически подчинивших себе коммунистов–руководителей. В этом смысле дело о разменной монете было составной частью акции против "вредителей" в партии, задуманной Сталиным, как главное средство борьбы с большевистскими лидерами, которые выступали за сотрудничество со старыми специалистами и за относительно умеренный курс [30]. После этих указаний усилились репрессии: были сняты со своих постов руководитель Наркомата финансов Н.П. Брюханов и председатель Правления Госбанка Г.Л. Пятаков. В их ведомствах, как предлагал Сталин, была проведена "проверочно–мордобойная работа". Историк Б.С. Илизаров в своей книге "Тайная жизнь Сталина" приводит интересные факты, предшествующие этому событию. 5 марта 1930 г. Сталин нарисовал непристойный рисунок, на котором Н.П. Брюханов изображен обнаженным и подвешенным за половые органы на веревке, переброшенной через блок с противовесом. Внизу под рисунком Сталин аккуратно печатными буквами написал: "Наркомфин СССР на второй день испытания". К рисунку приложена записка, также написанная рукой Сталина. Грубая шутка генсека ЦК ВКП (б) имела продолжение. За связи с оппозицией 18 октября 1930 г. Н.П. Брюханов был снят с поста наркома финансов и назначен зампредом Мособлисполкома [13, с. 93]. На его место был назначен Г.Ф. Гринько, занимавший ранее пост заместителя наркома земледелия СССР [4, с. 327]. Как считает известный американский экономический историк П. Грегори, несмотря на свой относительно невысокий политический статус, Г.Ф. Гринько играл значимую роль в принятии важнейших государственных решений [7, с.272]. Финансы стали для Г.Ф. Гринько совершенно новой сферой деятельности. Особое значение он придавал проблеме мобилизации денежных средств населения путем организации внутренних займов и накопления денег в сберегательных кассах.

Провалы и неудачи экономической политики ВКП (б) в начале 1930–х гг. вынудили партийное руководство переложить вину за срывы темпов индустриализации и коллективизации на "вредителей" из числа "классовых" врагов. В стране были произведены аресты, захватившие и ученых – финансистов: Л.Н. Юровского, З.С. Каценеленбаума, П.А. Садырина, А.П. Спундэ, Д.А. Лоевецкого, В.В. Шера, Н.Д. Кондратьева, Г.М. Аркуса и других. Подписи этих людей стояли некогда на купюрах советских червонцев. В 1930 г. был арестован профессор И.Х. Озеров (постановлением правительства в 1927 г. ему была назначена персональная пенсия), которому инкриминировали создание и руководство монархической организацией, имеющей связи с центрами белой эмиграции [27, с. 3]. "Профессоров–вредителей" разоблачали и клеймили позором на митингах и собраниях. Нарком финансов СССР Г.Ф. Гринько заявил, что необходимо провести борьбу с "юровщиной" в методах работы финансового аппарата [12, с. 178]. Л.Н. Юровский был вынужден уйти с поста начальника планово–экономического управления Нар-

комата финансов. В печати была начата открытая кампания травли против ученого. Например, экономисты Б.Я. Бляхер и Б.И. Лебедев в брошюре, посвященной роли денег в социалистическом обществе, причисляли Л.Н. Юровского к вредителям, которые тянули страну к капиталистическому денежному обращению и стремились взять курс на восстановление золотых денег. "Отсюда следует, что мы должны беспощадно разоблачать "юровщину" и ее сторонников, мобилизуя внимание пролетарских масс на борьбу с этими вредительскими теориями", – писали авторы данной пропагандистской работы [1, с. 24]. В сентябре 1930 г. председатель ОГПУ СССР В.Р. Менжинский доложил секретарю ЦК ВКП (б) В.М. Молотову о раскрытии и частичной ликвидации контрреволюционной Трудовой крестьянской партии (ТКП). По данным следствия, в этой организации состояли экономисты Н.Д. Кондратьев, П.А. Садырин, Л.Н. Юровский, А.И. Вайнштейн, Л.И. Литошенко, мало имевшие к крестьянам какое–либо отношение. Все ученые занимали важные народнохозяйственные посты в Наркомате финансов и Госплане СССР. Дело ЦК ТКП стало еще одним звеном в процессе расправы со старыми специалистами [5, с. 101]. Обвиняемые по делу ТКП так и не были выведены на открытый процесс. В январе 1932 г. состоялось заседание коллегии ОГПУ, которая вынесла постановление заключить Л.Н. Юровского и Н.Д. Кондратьева в концлагерь сроком на восемь лет.

Разрушение денежной системы нэпа сопровождалось личными человеческими трагедиями. В государственных учреждениях прошли чистки с целью удаления социально–чуждых элементов. Большинство из них имели высшее образование и являлись выходцами из дворян и купцов. Вот как описывал чистку сотрудников в Госбанке профессор А.Г. Соловьев. "Представлял МК в комиссии по чистке советского аппарата в Госбанке...Среди сотрудников много закоренелых консерваторов и бюрократов...Накал был очень сильный. Трех вычистили без права поступления на работу. Двоих лишили работы на полгода, чтобы одумались. Пятерых понизили в должности" [23, с. 159].

В докладе Госбанка о состоянии кадров накануне XVI съезда партии отмечалось, что работа Госбанка проводилась "чуждыми, враждебными специалистами и бывшими людьми (купцы, торговцы–спекулянты, помещики, бывшие царские чиновники и министры, бывшие белые офицеры и колчаковские министры и проч.)" [6, с. 74].

Началось массовое изгнание "спецов" из Наркомата финансов. В 1931 г. после очередной "чистки" финансовый аппарат потерял 2700 сотрудников. Вместо них на работу в Наркомат финансов пришло 3800 "выдвиженцев" из рабочих и крестьян [14, с. 347].

Таким образом, крушение денежно–кредитной системы нэпа сопровождалось кадровыми чистками в финансовом ведомстве. Из Наркомата финансов были удалены те люди, кто непосредственно принимал участие в вос-

становлении и развитии денежной системы после периода военного коммунизма.

Несмотря на репрессивные меры в отношении беспартийных специалистов, положение с финансами в стране не улучшилось. В целях стабилизации финансовой системы в 1930 г. правительство приступило к проведению кредитной реформы. В результате ее осуществления кредитование государственной промышленности и сельского хозяйства стало происходить на основе плана, что придавало денежной системе страны эмиссионный характер. Объемы денежных эмиссий теперь ограничивались лишь в силу волеизъявления государственной власти, а не в силу действительных потребностей товарооборота. Кредитование осуществлялось автоматически, вне зависимости от собственных средств предприятий и организаций и их рентабельности. Как указывает Ю.П. Бокарев, "деньги эмитировались в зависимости от спроса на них" [2, с. 246]. Мероприятия, проводимые в рамках кредитной реформы, как считало партийное руководство, неизбежно должны были оздоровить денежное обращение. Сталин в отчетном докладе на XVI съезде ВКП (б), состоявшемся в июне 1930 г., заявил, что сосредоточение краткосрочного кредита в Госбанке и организация безналичного расчета в обобщественном секторе приведут к "укреплению нашего червонца" [25, с. 330–331].

Как вскоре выяснилось, финансовый план первой пятилетки, построенный с учетом возрастания покупательной способности рубля, оказался невыполнимым. При вводе в строй огромного числа новых предприятий добиться быстрого снижения себестоимости промышленной продукции оказалось невозможным. Она снижалась гораздо медленнее, чем было запланировано, и Госбанк вынужден был превысить кредитный план за девять месяцев 1929/30 гг. на 1671 млн руб. К 1 июля 1930 г. в обращении находилось уже 3496,8 млн руб. Рост эмиссии продолжал значительно опережать рост объема товарооборота, что еще больше увеличило разрыв между покупательной способностью денег и предложением товаров. В январе 1931 г. в провинции рубль обладал покупательной способностью 8 довоенных копеек [14, с. 347]. Выступая с докладом в Свердловске на Втором всеуральском слете ударников финансового фронта Г.Ф. Гринько говорил о финансовых затруднениях 1930 г.: "Удар нашему финансовому хозяйству был нанесен тогда одновременно с двух сторон – во первых, со стороны автоматизма банковского кредитования и связанной с этим чрезмерной эмиссией, и во вторых, со стороны замораживания товарооборота" [9, с. 19]. Новый, 1931 г. не привел к стабилизации рубля. На протяжении 1931–1932 гг. бюджет практически не предоставлял Госбанку СССР средств для кредитования народного хозяйства, поэтому в 1931 г. банк вынужден был 45% своих кредитных вложений покрыть за счет эмиссии, составившей 1,3 млрд. рублей. В результате денежная масса в обращении увеличилась почти на 30%. В 1932 г. средства для кредитования хозяйства, предоставленные за счет эмиссии,

составили около 2,2 млрд. рублей. Сумма выпущенных в обращение денег в 1932 г. достигла 2,6 млрд. руб. (почти 50% к объему денежной массы на начало года). Всего за 1931–1932 гг. денежная масса увеличилась в 2 раза [16, с. 13]. В сложившихся условиях Г.Ф. Гринько объявил борьбу за финансовый план. Выступая на Всесоюзном финансовом совещании в июле 1931 г., он призвал присутствующих работников финансового аппарата "работать как бойцы политического фронта, ... драться за решение важнейших народнохозяйственных задач социалистического строительства" [8, с. 52]. Агитационная пропаганда не способствовала стабилизации рубля. О падении покупательной силы рубля свидетельствуют факты распространения "бартерных" сделок между предприятиями. Так, в 1931 г. Иваново–Вознесенский текстильный трест совершил обмен двух вагонов мануфактуры на обувь для рабочих с Нижегородским краевым союзом потребительской кооперации; Московский завод "Серп и молот" обменивал железо и проволоку на одежду и мебель. Переход к натуральному обмену не приветствовался властью. Все бартерные сделки аннулировались, а руководители предприятий привлекались к уголовному суду [2, с. 236]. Несмотря на сложную ситуацию, сложившуюся в сфере финансов, народный комиссар Г.Ф. Гринько, выступая с докладом на II сессии ЦИК СССР, с уверенностью заявил, что эмиссия строжайшим образом контролируется и допускается лишь в очень ограниченных размерах [10, с. 13].

В это время среди советских экономистов стала утверждаться позиция, доказывающая несовместимость инфляции и планового хозяйства. Такая точка зрения была сформулирована Н.А. Вознесенским, который писал в 1935 г. в статье "О современных деньгах": "В силу особенностей планового социалистического производства, безраздельно господствующего в нашей стране, советская экономика исключает возможность инфляции" [29, с. 15].

Против экономической политики, проводимой сталинским большинством, выступили сторонники оппозиции. В 1932 г. крупный партийный функционер М. Рютин в программе "Союза марксистов–ленинцев" подверг жесткой критике политику большинства ВКП (б). Характеризуя ситуацию в финансово-налоговой сфере, автор указывал на быстрый рост инфляции. Причины этого он видел в выпуске новых бумажных денег и сокращении товарооборота, переходе предприятий к прямому товарообмену. "В настоящее время стоимость червонца в золотой валюте равняется всего 60–70 коп. Дальше процесс падения стоимости червонца пойдет по всем признакам еще быстрее", – указывалось в программе [20, с. 409].

Катастрофическое положение с финансами заставило руководство ВКП (б) вплотную заняться решением вопроса о сокращении бумажно-денежной эмиссии. Об этом свидетельствует такой источник, как переписка Сталина с Л.М. Кагановичем. В июне 1932 г. Л.М. Кага-

нович сообщал генеральному секретарю ЦК ВКП (б): "Последний месяц особенно отличился эмиссией. Причин здесь много: бюджетный дефицит, медленная реализация промтоваров и т.д.". Несколько дней спустя В.М. Молотов в письме Сталину поставил вопрос об эмиссии в связи с получением записки наркома финансов Г.Ф. Гринько. Ссылаясь на информацию руководителя Наркомата финансов о том, что эмиссия со II квартала 1932 г. уже составила 1 млрд 300 млн рублей, В.М. Молотов писал, что положение складывается ненормальное, требующее сокращения расходов и увеличения доходов. В это же время Л.М. Каганович отправил Сталину письмо следующего содержания: "Положение сейчас довольно затруднительное. Потребность в дензнаках растет с каждым днем и доходит до спроса 150–160 млн рублей в день, а возможность удовлетворения 30–40, максимум 50 миллионов рублей. Уже образовывается задолженность по зарплате. Гринько ставит вопрос о сокращении ассигнований на капитальное строительство на 1– 1/2 миллиарда рублей, т. Молотов считал возможным 1 млрд...Что сокращать надо, это бесспорно, ибо есть хозорганы, действительно нуждающиеся в деньгах и не дорожающие ими" [26, с. 230–231].

Сталин в ответном письме Л.М. Кагановичу указывал, что нужно сократить финансирование капитального строительства на 500–700 млн руб. Таким путем Сталин решил бороться за укрепление рубля. Указание секретаря ЦК стали немедленно претворяться в жизнь. В начале августа Политбюро, заслушав сообщение Г.Ф. Гринько о финансовых мероприятиях в III квартале, постановило, что бюджет IV квартала обязательно должен быть не только бездефицитным, но и превышением доходов над расходами. По сравнению с начальным периодом выпуска червонца, эти банкноты потеряли во многом покупательную способность. В 1932 г. власти официально объявили о досрочном завершении пятилетнего плана. В действительности его окончание было вызвано кризисными потрясениями (в том числе и в сфере денежного обращения) хозяйства СССР. Расходы в бюджете, вызванные финансированием строительства новых предприятий, покрывались за счет эмиссии. Чрезмерный выпуск денег привел к дестабилизации рубля, выразившейся в росте цен. Так, за первые пять месяцев 1932 г. цены на рынке выросли на 55%. Это был самый быстрый рост со времени денежной реформы 1924 г. [11, с. 84].

К началу 1933 г. советский рубль имел ограниченное экономическое значение, что обуславливалось действовавшей с 1929 г. карточной системой на основные виды промышленных и продовольственных товаров, усилившейся инфляцией и, как следствие, падение покупательной силы рубля. Тяжелое состояние денежного обращения страны определялось также общим кризисом ее экономики, связанным с перестройкой всей хозяйственной системы и политикой руководства страны, которое сознательно форсировало ликвидацию частного сектора, нарушало пропорции в развитии отраслей промышлен-

ности. Огромные капиталовложения в тяжелую промышленность без реальной их отдачи в ближайшем будущем сделали неизбежным использование эмиссии для пополнения бюджета страны. На 1 января 1933 г. удельный вес эмиссии в ресурсах Госбанка составил 33,4 %. [14, с. 187].

К середине 1930-х от прежней червонной денежной системы сохранились лишь собственно денежные знаки, находившиеся в обращении. Чрезмерная эмиссия в годы первой пятилетки усиливала нестабильность в развитии экономики СССР и угрожала устойчивости государственной власти. Поэтому партийно-государственное руководство делает шаги по сокращению бюджетного дефицита и стабилизации денежного обращения. Предпринимались меры по увеличению товарного фонда государства, развитию коммерческой торговли, развитию розничного товарооборота. Выступая с докладом на объединенном пленуме ЦК ВКП (б) в январе 1933 г., Сталин заявил: "Устойчивость советской валюты обеспечивается, прежде всего, громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам". [24, с. 425]. Таким образом, генсек ЦК ВКП (б) связывал стабильность рубля с наличием товарных масс, находящихся в руках государства, а не с золотым запасом.

В конце 1933 г. Наркомату финансов удалось частично приостановить процессы инфляции рубля. Однако правительству не удалось добиться финансовой стабилизации в 1934 г. Вновь усилилась эмиссия, приводившая к обесцениванию рубля. Был произведен выпуск новых образцов казначейских билетов. К этому времени достигло своего пика использование денежных суррогатов (боны), которые широко использовались различными учреждениями при выдаче зарплаты. Расследование, проведенное летом 1935 г., вскрыло 1340 таких случаев. [7, с. 294].

Успехи в оздоровлении денежного обращения, достигнутые в 1934 г, позволили провести поэтапную отмену карточной системы. В сентябре 1935 г. одновременно со снижением цены на хлеб были отменены карточки на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель. После отмены карточной системы были установлены так называемые средние цены, которые были выше пайковых, но значительно ниже коммерческих. Во второй пятилетке ситуация в области денежного обращения заметно улучшилась: возросла покупательная способность рубля, увеличилась скорость его обращения. Заметно возросли доходы госбюджета с 44,3 млрд руб. в 1933 г. до 126,9 млрд руб. в 1938 г.. Значительно возросли обороты Госбанка. В 1938 г. Госбанком было выдано ссуд на 475 млрд руб. [15, с. 191].

Но и этот период для денежной системы был напряженным. В середине 1930-х гг. сложилась экономика дефицита. В сфере финансов это проявилось в дефиците товаров. Расходы, связанные с выполнением заданий

двух пятилетних планов, превысили доходную часть бюджета. Так, за 1927–1937 гг. денежная масса в обращении увеличилась в 8 раз, среднегодовые темпы прироста массы денег оказались выше темпов прироста продукции промышленности и составили 24 %.

В 1937 г. были выпущены банковские билеты достоинством в 1,3,5 и 10 червонцев. Обозначение номинала было повторено на одиннадцати языках советских союзных республик. В честь 20-летней годовщины Октябрьской революции на выпущенных билетах Госбанка впервые был помещен портрет Ленина. Среди помещенных на банковских билетах надписях отсутствовал текст о размене червонцев на золото и о размере их золотого содержания.

На этих денежных знаках перестали приводиться факсимильные подписи членов Правления Госбанка, работников Наркомата финансов СССР. Массовые репрессии не пощадили многих видных специалистов в области финансов. Большинство из них были объявлены "капитулянтами", "вредителями" и "врагами народа". В августе 1937 г. член комиссии партийного контроля Сахарова в

письме на имя Молотова указывала, что, проверяя работу Госзнака, ею было установлено, что в Госзнаке продолжают ежедневно печатать билеты Государственного банка за подписями врагов народа Аркуса, Марьясина, Калмановича.

В конце 1930-х гг. сфере денежного обращения создалась напряженная ситуация. Налицо были признаки инфляции, заключающиеся в росте цен. Можно согласиться с мнением Л.А. Муравьевой о том, что в 1930-е годы в СССР существовал тип инфляции, характерной для военной экономики. Она проявлялась в росте цен, а также спекуляции нормированными товарами [17, с. 85]. К решению вопроса стабилизации рубля власть подошла не с экономической, а с административной точки зрения. Решающими факторами сдерживания инфляции были конфискационная система получения сельскохозяйственной продукции у крестьян и доходы от реализации продажи водки.

Денежная система, созданная в эпоху нэпа, перестала существовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бляхер Б.Я., Лебедев Б.И. Нужны ли деньги в Советском Союзе. М.–Л., 1931. 55 с.
2. Бокарев Ю.П. Рубль в условиях тоталитарного планирования //Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 239–271.
3. Вестник финансов. 1930. № 1. С. 75–81.
4. Все министры финансов России и СССР 1802–2004. М., 2004. 628 с.
5. Галас М.Л. Разгром аграрно-экономической оппозиции в начале 1930-х годов: дело ЦК Трудовой крестьянской партии// Отеч. история. 2002. № 5. С. 89.
6. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001. 226 с.
7. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. 398 с.
8. Гринько Г.Ф. Боевые задачи финансовой работы. Речь на Всесоюзном финансовом совещании. Июль 1931. М., 1931. 51 с.
9. Гринько Г.Ф. Советские финансы на рубеже двух 5 леток. М., 1932. 56 с.
10. Гринько Г. Финансовая программа завершения пятилетки. Доклад на II сессии ЦИК СССР о финплане и госбюджете СССР на 1932 г. М.–Л., 1932. 64 с.
11. Дэвис Р.У. Советская экономика в период кризиса, 1930–1933 годы //Экономические науки. 1990. № 1. С.79–93.
12. Ефимкин А.И Дважды реабилитированные: Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский. М., 1991. 222 с.
13. Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М., 2002. 478 с.
14. История Министерства финансов. Т. II. 1917–1932. М., 2002. 350 с.
15. Козлов Г.А. Советские деньги. М.–Л., 1939. 282 с.
16. Левичева И.Н. Проблемы денежного обращения в СССР в конце 1920-х – 1930-х гг. // Вестник Банка России. 2007. № 13. С. 1–16.
17. Муравьева Л.А. Промышленное развитие и финансы в годы довоенных пятилеток //Финансы и кредит. 2003. № 9. С. 80–87.
18. Осокина Е.А. За фасадом "сталинского изобилия". Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. М., 1997. 201 с.
19. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936. Сборник документов. М., 1995. 304 с.
20. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. 461 с.
21. Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. /Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999. 519 с.
22. "Совершенно секретно". Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8. Ч.1–2. М., 2008. 1736 с.
23. Соловьев А.Г. Тетради красного профессора. 1912–1941 гг. // Неизвестная Россия. Кн.4. М., 1993. С. 140–230.
24. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952. 652 с.
25. Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // Сталин И.В. Сочинения. Т.12. Апрель 1929 – июнь 1930. М., 1949. 398 с.
26. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. /Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. 798 с.
27. Телицын В.Л. Иван Христофорович Озеров. Жизненные пути русского ученого //Вопросы истории. 1999. № 3. С. 135–139.
28. Тепцов Н.В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) в письмах и воспоминаниях: 1929–1933 гг. М., 2002. 412 с.
29. Хандруев А.А. К вопросу об устойчивости денег // Деньги и кредит. 1988. № 10. С. 14–21.
30. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизм политической власти. М., 1996. 259 с.